

«СОВЕТСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ» НЕСОВЕТСКОГО ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ¹

А. П. Романова, М. М. Федорова

Романова Анна Петровна,
Институт исследований проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский
государственный университет, ул. Татищева, 20А, Астрахань, 414056, Россия.
Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru. ORCID 0000-0001-8537-4893.

Федорова Мария Михайловна, Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия.
Эл. почта: mf57@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1181-5219.

Аннотация. Процессы формирования и трансформации коллективной памяти сложны и многоплановы. Исследования этого феномена идут как в разных областях научного знания, так и в разных плоскостях — от эпистемологических процедур до отдельных феноменов, таких как ностальгия. Данная статья посвящена выявлению места и роли ностальгических процессов в коллективной памяти цифрового поколения российско-го студенчества. Данный тип ностальгии можно обозначить как чужую ностальгию, ностальгию по непрожитому. В методологическом плане исследование построено на сочетании аналитических и качественных социологических методов (глубинное интервью). Результаты исследования показали, что ностальгия по советскому прошлому — реальный феномен сегодняшней коллективной памяти российского общества, затрагивающий все его социальные слои и возрастные группы. Причина столь массового распространения этого феномена коренится в общих нестабильных социальных условиях существования человека постсоветского мира, в утрате доверия к общей идее прогрессивного хода истории и к прогрессистско-освободительной риторике в отсутствии реальных общественно-политических проектов. У цифрового поколения российских студентов ностальгия по советскому принимает форму ностальгии без памяти, представляя собой способ психологической защиты от настоящего с помощью реконструкции памяти о великом прошлом. Пространство данной памяти представляет собой еще одну деформацию ностальгического феномена, поскольку формируется не на основе личного эмоционального опыта, включающего тоску по детству и прожитой жизни, а подпитывается памятью предыдущих поколений и средствами массовой информации.

Ключевые слова: ностальгия, цифровое поколение, чужая ностальгия, политика памяти, ностальгия по советскому.

В новейших мемориальных процессах — исследованиях индивидуальной и коллективной памяти, ее сохранения и сбережения или, напротив, в связанных с памятью конфликтах, в так называемых войнах памяти, а также в том достаточно обширном и расплывчатом явлении, получившем наименование политики памяти, — совершенно особое место занимает феномен ностальгии. Нельзя сказать, что исследователи обходят вниманием это явление: оно исследуется с позиции философии (Boym, 2001; Routledge, Wildschut, Sedikides et al., 2012), психологии (Batcho, 2013), социологии (Davis, 1979; Arndt, 2012), а также идентитарного (Vess, Arndt, Routledge et al., 2012), медийного подходов (Pickering, Keightley, 2014) и т.д. Скорее наоборот — им злоупотребляют и манипулируют, хотя и в меньших масштабах, нежели феноменом и понятием памяти. Как правило, сегодня под ностальгией понимают эмоционально окрашенные состояния, связанные с уходящим временем, сожаления о том, «чего не хватает в беспрестанно меня-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00371) «Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерениях».

ющемся настоящим» или «что сейчас недоступно просто из-за необратимости времени» (Pickering, Keightley, 2006). Иногда его употребляют даже применительно к прошлому, которое не было пережито соответствующими акторами. Майкл Херцфельд, например, ввел понятие «структурная ностальгия» (Herzfeld, 1991), чтобы описать «то меланхолическое сожаление» об идеализированном прошлом, которое «воспроизводится в последовательной череде поколений» и может служить сегодня политическим и моральным оправданием целому ряду действий властей (Herzfeld, 1991). В том же духе американский социокультурный антрополог Арджун Аппадурай описывает как «ностальгию по тапочкам» склонность людей оплакивать то, что они сами никогда не теряли (Appadurai, 1996). Тема этой «*armchair nostalgia*», «кресельной ностальгии», особенно популярна в исследованиях, посвященных туризму и сохранению исторического наследия под эгидой ЮНЕСКО (Dann Graham, 1995).

В этих исследованиях можно найти и типологизации ностальгии (Старовойтенко, 2019). Так, С. Бойм выделяет два ностальгических сюжета: реставрирующий и рефлексированный (иронический). Рефлексирующая ностальгия представляет собой скорее индивидуальную культурную память, а реставрирующая «занимается прошлым и будущим нации», т.е. относится скорее к политике памяти. «Другими словами, в них могут работать одни и те же механизмы и символы памяти, одно и то же прустовское тесто, но при этом генерируемые повествования будут различными» (Бойм, 2013). Если исходить из поколенческого подхода, то основанием деления становится фактор непосредственного участия в тех процессах, которые являются объектом ностальгирования, хотя некоторые исследователи считают факт присутствия прошлого в личной биографии ностальгирующего обязательной характеристикой этого явления (Абрамов, 2012). Таким образом, выделяют ностальгию непосредственных участников и ностальгию тех, кто не только не переживал эти процессы в личном опыте, но и родился по истечении некоторого времени. Чужая ностальгия описывает тоску человека по тем временам, местам, событиям, о которых он имеет представление из источников-воспоминаний родных и знакомых, массмедиа, литературы и т.д. Тем самым ставится под вопрос принципиально важный момент, относящийся к самой сути исследуемого феномена, а именно — артикуляция ностальгии и памяти.

На наш взгляд, связь памяти и ностальгии, прочерченная изначально, с момента возникновения термина «ностальгия» в Новое время, является действительно определяющей, хотя в XXI в. сам характер этой связи изменился, что и привело к появлению целой серии понятий: «чужая ностальгия», «ностальгия без памяти» (Клюваев, Медведев, 2019), «беспамятная ностальгия» (Сапогова, 2019), «ностальгия по не-прожитому» (Шлегель, 2019). Мы полагаем, что понятие ностальгии изначально было связано с важнейшими идентификационными моментами (принадлежность к определенному пространственно-временному интервалу), эмоционально окрашенное воспоминание о которых весьма существенно для каждой личности.

Поэтому, прежде чем перейти к непосредственной цели нашего исследования, связанного с выделением особенностей коллективной памяти нынешнего молодого поколения россиян, мы считаем необходимым совершить небольшой экскурс в историю понятия ностальгии для того, чтобы выявить именно эти идентифицирующие моменты, отсутствие которых, по нашему мнению, и влечет за собой деформации коллективной памяти.

Ностальгия: мультиконтентность и многозвучие

Понятие ностальгии возникло в XVII в. как сугубо медицинский термин для обозначения психопатологического синдрома, связанного с плохой адаптацией швейцарских крестьян, служивших в европейских армейских подразделениях (Starobinski, 1963). В XVIII столетии понятие существенным образом расширяет свое семантическое поле, которое формируется в постоянном диалоге «просвещенных умов» (представителей Просвещения) и «чувствительных душ» (приверженцы романтизма) и становится в итоге одним из излюбленных терминов романтического лексикона и — шире — романтического мировосприятия. Ностальгия из психосоматической болезни нескольких швейцарских солдат постепенно превращается в общее настроение тоски по утраченному времени; патологический синдром скрывает форму реминисценции, возвращающей человека к его истокам, к осознанию им глубинных форм своего бытия.

Эмпирические представления медиков XVII–XVIII вв. о ностальгии предлагали клиническую картину давшего сбой дискурсивного разума. Для «просвещенных умов» все перемещения индивида в пространстве не имели особого значения, перемена географических координат не могла существенным образом помешать нормальной жизни человека: география естественного права была равна и одинакова для всех. Для «чувствительных душ» человек никогда не был существом из «ниоткуда»; для них между внешней средой и внутренней жизнью человека существовала теснейшая взаимосвязь. И главное — перцептивные данные и аффективные реакции, которые они влекут, погружены в нашу память, наше присутствие в этом мире расцвечено горизонтами воспоминания; прошлое, настоящее и будущее предлагают конкурирующие измерения человеческого опыта. Ностальгия как обращение к прошлому поглощает актуальность настоящего, но одновременно проецирует в будущее надежду на возвращение (в родные места, к более счастливым временам). Человек — властитель смыслов и значений, именно он выстраивает причинный ряд во внешней реальности и именно он в рамках своей свободы имеет право вернуться к пережитому, пусть и в ограниченном виде, но это право и эта возможность позволяют человеку оставаться свободным даже в стесненных и ограниченных условиях, даже в тюрьме.

Это романтическое обогащение и расширение смысла понятия ностальгии отчетливо читается и на терминологическом уровне. Немецкие романтики различают *Heimweh* как тоску по родине, стране в географическом смысле этого слова, и *Sehnsucht* — онтологическую ностальгию как страстное желание вновь обрести утраченную целостность и бывшее место обитания. Этот смысл понятия ностальгии для романтиков тем более важен, что в их понимании человек — вообще странник, в странствиях стремящийся обрести не только приют, но и самого себя. Поэтому и памяти здесь отводится особая роль: она не только психологическая функция, возвращающая человека к пережитому, она напоминает и увековечивает, она обращена к трансэмпирическим основаниям человеческого существа, которого некая катастрофа лишила подлинной идентичности. Роль памяти и ностальгии как одной из важнейших мемориальных практик велика: воспоминание касается здесь не просто какого-либо события, локализованного в пространстве-времени, оно — целостное восстановление личности в ее глубинных основаниях. Знак, обнаруженный в настоящем (а им может быть все, что угодно — звуки пастушеской свирели, неприметный барвинок в «Исповеди» Руссо или знаменитый голубой цветок Новалиса, ставший

символом романического мироощущения), переворачивает вдруг темпоральную перспективу и открывает в глубинах личностного существования целостность некой ситуации из прошлого, которая подпитывает ностальгические чувства в отношении горизонтов разорванного и вызывающего разочарования существования.

Таким образом, несмотря на тяготы своей нынешней жизни, человек остается хозяином своего прошлого в осознании своей идентичности, которая и связывает прошлое с настоящим. Реальный человек воспринимает мир в перспективе памяти; он не просто видит и осознает окружающий его мир — он видит его в перспективе «слияния горизонтов» (Гадамер), вводит в это восприятие свои надежды или разочарования. Существование в мире как бы умножается в перспективе зеркального коридора. Ностальгия — это мемориальный феномен, во многом способствующий формированию идентичности, и он особенно значим в нашу эпоху, отмеченную кризисом проективности общественно-исторического сознания и ориентированную не столько на будущее, сколько на реалии и проблемы сегодняшнего дня (Федорова, 2020), поскольку подлинная ностальгия имеет творческий характер и несет в себе обновление.

Ностальгия по СССР как форма коллективной памяти

Совершенно очевидно, что отношение к прошлому, особенно к какому-либо конкретному его периоду, не может быть неизменным. Оно, как уже упоминалось, в значительной степени определяется реалиями дня сегодняшнего и, как и любая форма общественного сознания, подвержено идеологическим и политическим манипуляциям. Именно так обстоит дело и с советским периодом в жизни российского государства. 1980–1990-е гг., время крутого изменения, перелома в жизни нашего государства, были периодом пробуждения необычайного интереса к отечественной истории, изобиловавшей массой белых пятен и запретных тем, рассекречивания архивов, расцветом исторической публицистики и прочих мемориальных форм. Однако сквозь этот неподдельный интерес к собственной истории просвечивало скорее негативное отношение к недавнему прошлому, аккумулировавшее в себе весь заряд отрицательных эмоций советского человека эпохи перестройки в отношении политики СССР времен застоя. Настоятельное требование перемен и перестройки касалось абсолютно всего — от смены политического руководства страной до отношения к собственному прошлому, которое до сих пор мифологизировалось и романтизировалось, а потом стало открывать свои ужасающие и постыдные тайны.

Ситуация начала меняться в последние два десятилетия, что опять-таки было обусловлено рядом факторов общественно-политического и идеологического характера. Нельзя не согласиться с Н. В. Карповой, отмечающей, что «идеализация советской системы представляет собой, с одной стороны, ситуативную реакцию массового сознания на затянувшиеся социально-экономические проблемы российского общества. С другой стороны, воссоздание позитивного образа советского прошлого выступает элементом символической стратегии политики государства, отражающей цели и концепции построения национального суверенитета современной России» (Карпова, 2020). Кроме того, по прошествии времени появилась возможность осмыслить прошлое без сиюминутных эмоций. Однако, по нашему мнению, ностальгия по советскому прошлому становится действительно массовым явлением, обусловленным мировоззренческими трансформациями, связанными

с социальной неудовлетворенностью текущим положением и угасшей надеждой на быструю реализацию социальных ожиданий, еще и потому, что в обществе отсутствуют альтернативные проекты перспектив общественного развития, которые могли бы стать действенной основой консолидации российского общества. В условиях общей нестабильности и отсутствия перспектив реального развития неизбежно возрастает интерес к прошлому, в восприятии которого на первый план выходят не ужасы тоталитарного режима, но элементы стабильности и социальной защищенности.

Следует отметить также, что общие ностальгические настроения современного россиянина в отношении советского прошлого умело поддерживаются и подогреваются государственной мемориальной политикой, ориентированной, однако, не столько на советский вариант социального развития, сколько на советский вариант решения проблемы политического единства страны и ее сплоченности вокруг сильного лидера (Абрамов, 2011). Не случайно поэтому по результатам социологических опросов около половины населения считают главной причиной возрождения интереса к советскому прошлому распад экономической системы СССР (Ностальгия по СССР, 2018).

Таким образом, в сфере коллективной памяти ностальгия по советскому является не столько тоской по личному прошлому и своей молодости, сколько грезой по социальному строю, по совершенно иной социальной системе. В ностальгическом процессе негативные моменты поглощаются в актах забывания, и на первый план выдвигается несколько обобщенный и мифологизированный образ прошлого, основанный на представлениях о сильной державе, социальном равенстве, защищенности, наличии социальных гарантий, ином течении времени, иной форме общения и построении социальных институтов.

В чем специфика ностальгии по советскому прошлому? Хотя ностальгию и сплин во времена Пушкина называли болезнью века, ностальгический опыт в классическом его понимании — это, прежде всего, индивидуальное переживание болезненного разрыва с родными местами и ушедшими временами. В отличие от нее ностальгия по советскому времени — это комплексное и массовое явление. С одной стороны, впервые социальные переломы такого масштаба сопровождаются глобальными трансформациями в информационной сфере, позволяющими публично отследить, визуализировать, закрепить или нивелировать определенные образы в массовом сознании. Комплекс массмедиа открывает невиданные ранее возможности управления политикой памяти. С другой стороны, массовое распространение Интернета в последние годы децентрализует этот процесс, в силу чего он воспринимается не как идеологическая манипуляция, а как внутренняя интенция масс. Поэтому вопрос о том, является ли посвященный СССР интернет-контент отражением внутренних настроений и массового сознания или же результатом скрытого манипулирования и созданной СМИ мейнстримной моды, остается открытым. Можно ли однозначно считать эти настроения стремлением к реставрации советского строя или же это своеобразная игра с прошлым, спровоцированная расцветом исторической политики во всех ее формах? И самое главное: можно ли считать, что различные возрастные группы одинаково переживают это стремление вернуться «назад в СССР»? И всегда ли в этом плане можно говорить о ностальгии как о «сознательной миграции в прошлое, основанной на отказе от действительности» (Даутова, 2016)? Насколько сознательна она для

младших поколений российского населения, которые коллекционируют чужие воспоминания, визуализируют то, чего не видели в реальности (Романова, 2020)? Для ответа на эти и многие другие вопросы обратимся к анализу высказываний, данных самими представителями поколения Z.

Чужая ностальгия цифрового поколения

Цифровое поколение, которое называют также поколением Z, Next, Digitalnatives, сетевым или поколением миллениума (Millennials), это «первое поколение, сформировавшееся в цифровую эпоху, родившееся с “гаджетами в руках”» (Howe, Strauss, 2007). Основанием для выделения данного поколения является вовлеченность формирующих его молодых людей в информационные и цифровые технологии, которые они активно и легко осваивают, погружаясь в них настолько, что порой теряется грань между реальным и виртуальным мирами (Романова, Федорова, 2020).

Для того чтобы понять, что представляет собой ностальгия по советскому образу жизни у цифрового поколения, родившегося уже в постсоветской действительности, мы провели серию биографических интервью с тридцатью представителями студенческой молодежи Астраханского государственного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва) — студентами колледжа, бакалавриата, магистратуры и аспирантуры (16–28 лет). Были выбраны студенты регионального и столичного вузов для того, чтобы показать ностальгические тенденции и центра, и периферии. Интервью длились от 45 минут до часа.

Практически все информанты признают факт существования ностальгии по СССР. Однако ностальгирующую аудиторию они определяют по-разному. Около трети респондентов считают ностальгию феноменом, присущим исключительно старшему поколению, которое в той или иной степени застало эту эпоху. Тем самым они сразу же проводят поколенческий водораздел в формировании коллективной памяти. *«Конечно, общаясь с людьми из другого поколения чувствуется ностальгия по СССР. По временам, как они говорят, более хорошим, более справедливым. Ну, я, как человек из поколения нового, этого не особо ощущаю, хотя бывает, что задумываюсь над этим»* (респондент 23, г. Москва). В отношении себя представители этой группы не видят причины ностальгировать по времени, в котором они не жили. *«Да, у наших родителей и дедушек. Среди молодого поколения нет. Мы не жили в то время»* (респондент 4, г. Астрахань); *«У молодёжи не встречал. У взрослого поколения — бабушек, которые говорят: “было лучше”, это какая-то финансовая сторона, потому что сейчас пенсии маленькие, тяжело найти работу. В то время для них было проще, наверное»* (респондент 6, г. Астрахань). *«Наши родители, бабушки, прабабушки ностальгируют, а мы не знаем, что это такое: мы там не были»* (респондент 20, г. Москва). Основной аргумент — это отсутствие личных воспоминаний.

Однако большая часть респондентов признает наличие ностальгии по СССР у молодого поколения, что вызывает у самих интервьюируемых некоторое удивление. *«Да, она существует. Я, тот человек, который не жил в СССР, понимаю, что иногда это странно»* (респондент 25, г. Москва). *«Существует, особенно среди молодёжи. Не знаю только, почему. Не могу понять»* (респондент 15, г. Астрахань). Некое несоответствие толкает их на философские размышления о самом понятии ностальгии, поскольку они связывают ее прежде всего с личностными воспоминаниями. *«Я ее (ностальгию) вижу и у жителей Беларуси, и у жителей России. Причем и у тех, кто жил, и у тех, кто не жил. Ну, наверное, тогда мы не можем говорить о ностальгии, ведь ностальгия —*

это воспоминания какого-то личного опыта» (респондент 25, г. Москва). Содержание интервью подтверждает тот факт, что ностальгия и коллективная память об СССР подкрепляются материальными памятниками: «Практически везде, на всех улицах города стоят памятники, много вспоминают, этому посвящено много дней. Считают, что это нужно. Люди должны помнить» (респондент 2, г. Астрахань), материальными артефактами: «Да, сейчас специально ездят на барахолки, смотрят старые значки, модельки, старинные вещи, чемоданы коллекционируют. Модная одежда идёт из того времени. Это касается и людей нашего времени. Девушки любят копаться в шкафах бабушек, искать одежду, немного подшаманивать её и носить» (респондент 16, г. Москва) и символикой прошлого: «Думаю, да. Возможно, какие-то мероприятия, посвящённые этому дню, фотографии с памятью» (респондент 8, г. Астрахань).

Наиболее вероятным способом распространения ностальгии молодежь считает традиционный способ «из рук в руки». Однако и здесь выявляется поколенческий водораздел. Часть респондентов считает, что это, прежде всего, передача информации из поколения в поколение. «Да, они (родители) рассказывали. Это было о том, как они проводили время после колледжа, школы. Как собирались, ходили в походы те же самые пионеры. В основном они рассказывали, как проводили свободное время. Как работали, учились, какая была школа, учителя, образование» (респондент 1, г. Астрахань). «Возможно, сказываются рассказы родителей (условно 70-х гг., которые застали времена Советского Союза): раньше было стабильнее, лучше, дешевле, вкуснее, трава зеленее, люди добрее — стереотипные мнения. Сложно говорить о том времени, потому что ни я, ни молодёжь тогда не жила. Как они могут ностальгировать о том, о чём не знают?» (респондент 15, г. Астрахань).

Второй способ передачи информации и ностальгирующих акцентов — внутри поколения, и его не сбрасывают со счетов. «Сейчас среди молодого поколения очень модно понятие инфлюэнсера — человека, который либо ярко, либо нет — задвигает какую-то тему среди молодёжи. Думаю, была какая-то условная группа людей, которая интересовалась, у которой было много читателей и последователей в блогах, а потом это стало развиваться» (Респондент 7, г. Москва).

Мы заострили внимание молодежи на перспективах этого феномена: временное ли это явление, усиливается ли оно или затухает? Мнения разделились. Больше половины респондентов считают, что на данный момент ностальгия усиливается. Часть из них связывает это со старшим поколением и усложнением жизни, прежде всего, для них. «Усиливается. У старшего поколения, которое через это прошло и знает, может сравнить, что было тогда и сейчас» (респондент 12, г. Астрахань). Некоторые связывают это с недовольством нынешней ситуацией не только у старшего поколения, но и у молодежи. «В последнее время, кажется, усиливается. В связи с глобальными изменениями в нашей стране многим не нравится нынешнее Правительство, новшества. Они хотят вернуть то, что было, независимо от того, что тогда были тяжёлые времена, они признают то, что люди были проще и жилось проще, чем сейчас» (респондент 3, г. Астрахань). «Среди старшего усиливается. Думаю, и среди моего поколения есть такие люди. У меня бывает такое, что хочется вернуться и посмотреть, как там, потому что там всё было дешевле» (респондент 9, г. Астрахань). Идеализация Советского Союза, лежащая в основе этого типа ностальгии, с их точки зрения, связана с недовольством условиями собственной жизни. «Ну, знаете... Я думаю, она усиливается, поскольку в последнее время стали актуальны проблемы, социальные проблемы, политические проблемы, и поэтому люди все более смотрят на опыт прошлого, и ностальгируют об этом, и как-то пытаются даже

вернуться или переосмыслить это. Здесь как бы субъективная точка зрения требуется. Я не совсем эксперт, но по ощущениям я думаю, что она усиливается пропорционально с ослаблением популярности, что ли, капиталистического устройства жизни. То есть, люди теряют свою веру в адекватность этого строя, например, если брать в России политического. И в связи с этим больше ностальгируют по социалистическому прошлому» (респондент 25). Однако некоторые идут дальше и подчеркивают экзистенциальный характер проблемы, хотя и учитывают современные реалии. «Усиливается: люди любят в ретроспективном плане жить. “Ой, как хорошо было!” Даже я, родившийся на границе XX–XXI веков, скучаю по тому, как бегали по дворам... Среди моих знакомых такие люди есть. Мы общаемся на эту тему. Мои предки все — рыбаки. В Советском Союзе рыбы было очень много: была и работа, и еда. Хоть и был совсем маленький, застал период, когда чёрную икру мы ели половниками, а щучью отдавали собакам. По рассказам матери вобла была едой для кошек. Они же ели красную рыбу» (респондент 13, г. Астрахань). Однако опять выплывает фактор поколенческого разрыва. «Для тех, кто жил в то время, наверное, усиливается. Для тех, кто только слышал, наверное, утихает» (респондент 16, г. Москва).

Часть молодежи считает, что ностальгия затухает. Для некоторых это экзистенциально замыкается на смене поколений. «Пройдет это? Да, скорее всего, это пройдет, потому что просто вымрут люди, которые уже ностальгируют. Сейчас ностальгируют по девяностым, и рано или поздно это прекратится. Точно так же и с Советским Союзом. Но пока есть старшее поколение, которое ностальгирует, и говорит: “Вот тогда вот было хорошо”. Пока это есть» (респондент 24, г. Москва). «Ностальгия связана с предыдущим поколением. Соответственно, предыдущее поколение скоро будет вымирать, и ностальгия пропадет» (респондент 24, г. Москва). Другие связывают это с потерей иллюзий о прошлом: «Конкретно про всех я не могу говорить, но как мне кажется, ностальгия, конечно, существует, и она, скорее всего, затухает. Даже вот на примере моей бабушки, которая жила в период СССР: она уже меньше вспоминает о том времени, меньше приводит в пример, или как там это “вот в сталинские времена...” и тому подобное. Да и в общем, поколение, которое живет в СССР, его становится все меньше и меньше. Хотя, девяностые... Но все равно» (Респондент 21, г. Москва). «Думаю, затухает, потому что если судить по моим родителям, бабушкам, дедушкам, близким, хоть они и отзываются о Советском Союзе с ностальгией, но признают тот факт, что и там были свои недостатки» (респондент 14, г. Москва).

Некоторые подходят к процессу диалектически. «В каких-то моментах она проявляется, в каких-то нет. Что-то лучше было раньше, что-то сейчас. Нет такого, чтобы она усиливалась или утихала» (респондент 4, г. Астрахань). «Я бы сказал, что усиление и затухание ностальгии по СССР очень сильно разнится по поколениям. Старшее поколение, вероятно, ностальгирует по нему всё сильнее, а младшее поколение, вероятно, ностальгирует по нему всё меньше, и это связано как раз таки с тем, что у одного поколения есть... во многом забываемый опыт жизни в СССР, который, скорее, просто какая-то эпоха молодости, когда всё было в принципе неплохо, а для молодого поколения это было давно и непонятно, и, возможно, этого вообще не было. Выражается она в, ну, каких-то дискуссионных элементах, как раз таки между поколениями, между разными представителями поколений о том, что было ли тогда лучше или нет, нам нужно заклеить или как-то защитить это прошлое» (респондент 27, г. Москва). Молодое поколение понимает, что в явлении ностальгии по СССР большую роль занимает политика памяти, в определённой степени носящая манипулятивный характер.

Заключение

Итак, ностальгия по советскому прошлому — реальный феномен сегодняшней коллективной памяти российского общества, затрагивающий все его социальные слои и возрастные группы. Причина столь массового распространения этого феномена коренится в общих нестабильных социальных условиях существования человека постсоветского мира, в утрате доверия к общей идее прогрессивного хода истории и к прогрессистско-освободительной риторике в отсутствии реальных общественно-политических проектов. Практически все идеологические конструкции утратили способность представлять себе будущее, которое было бы одновременно вероятным и привлекательным. Соответственно и молодежь воспринимает свое будущее весьма туманно, неопределенно, а подчас и негативно (Романова, Федорова, 2020). Поэтому во многом ностальгия является для молодых людей формой замещения: «Ностальгическое переживание выступает как своеобразная психологическая защита от настоящего, форма совладания с травматическим осознанием необратимости прошедшего и неизбежности лишённого для человека смысла настоящего» (Сапогова, 2019). В данном случае скорее важен сам факт существования позитивного периода в прошлом своей родины не как возможность «мифического возвращения», а как прецедент, порождающий надежду. Весьма индивидуалистичное и прагматичное поколение Z в дальнейшем скорее превратит миф о советском прошлом в некую переменную, которую будет учитывать при построении алгоритма своего существования.

Таким образом, несмотря на нереализованность советского проекта построения справедливого социалистического общества коллективная память вновь и вновь обращается к этой модели, в которой разные поколения российского общества — каждое по-своему — видят опору для будущего. Этот факт обусловлен скорее всего активизацией современной исторической политики, направленной на формирование политического единства российского общества на путях героизации и мифологизации общего прошлого. Мы наблюдаем здесь трансформацию классического образца ностальгии как мемориального феномена: происходит смещение от «географической» фокусировки нашего чувства сожаления (тоска по родным местам, где провел детство или просто счастливый отрезок жизни) к чисто временной, «исторической» (тоска по своего рода «золотому веку», более зажиточному и справедливому).

Однако же у различных возрастных групп нашего общества ностальгический феномен проявляется по-разному. Это объясняется тем, что старшие поколения так или иначе имеют непосредственный опыт причастности к советскому прошлому, тогда как цифровое поколение — продукт уже нового века и новых технологий, которые оказывают непосредственное влияние на наше восприятие времени, формируя новый тип темпоральности (Таратура, 2018). Как показывают наши интервью, это поколение еще не сформировало самостоятельного пространства памяти, его коллективная память во многом подпитывается образами и мемориальными символами прошлых поколений. И, следовательно, в данном случае мы имеем дело с еще одной деформацией ностальгического феномена — в нем отсутствует тоска по детству, молодости, прожитой жизни, которые собственно и определяют позитивный настрой и нерефлексивное отношение к прошлому. Причем «чем менее человеку известно об этом прошлом, тем больше у него простора для его некритично позитивной оценки и извлекаемым из него неадекватным смыслом» (Сапогова, 2019).

Библиографический список

- Абрамов, Р. (2011). «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ. *INTER*, 6, 88–102.
- Абрамов, Р. Н. (2012). Время и пространство ностальгии. *Социологический журнал*, 4, 5–23.
- Бауман, З. (2019). *Ретротопия*. Москва: ВЦИОМ.
- Бойм, С. (2013). Будущее ностальгии. *Неприкосновенный запас*, 3. Режим доступа <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html>
- Даутова, Р. В. (2016). Феномен ностальгии на российском телевидении. В *Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Ф. Агзамова* (с. 327–335). Казань: Казанский ун-т.
- Карпова, Н. В. (2020). «Back in the USSR», или о причинах ностальгии российского общества о «золотом веке». *Вестник ВГУ. Серия История. Политология. Социология*, 1, 41–46.
- Клюваев, К. В. Медведев, Д. А. (2019). Использование феномена «Чужой» ностальгии в маркетинговых компаниях. В *Всероссийская конференция молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации» (Социальный инженер-2019): сборник материалов*. Москва: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина».
- Ностальгия по СССР (2018, декабрь). Пресс-выпуск. *Левада-центр*. Режим доступа <http://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgija-po-sssr-2/>
- Романова, А. П. (2020). Коллективная память и поколенческий разрыв. *Вопросы философии*, 6, 33–37.
- Романова, А. П. Федорова, М. М. (2020). Поколенческий разрыв и историческая память поколения цифровой эпохи. *ЭНОЖ История*, 9, 23. DOI 10.18254/S207987840012223-4.
- Сапогова, Е. Е. (2019). Экзистенциально-психологические аспекты переживания «ностальгии без памяти». *Проблемы современного образования*, 2, 28–45.
- Смолина, Н. С. (2014). «Советское» в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ. *Вестник Челябинского государственного университета, Философия. Социология. Культурология*, 17(346), 133–136.
- Старовойтенко, А. Д. (2019). Между ностальгией и ретротопией. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 11(18), 125–135.
- Таратуга, Е. Е. (2018). «Флешмоб 90-е» и ностальгия: репрезентация постсоветского культурного опыта в социальных сетях. В *Взгляд в себя: к онтологии национального самосознания России. Сборник статей по итогам Международной научной конференции* (с. 50–53). Санкт-Петербург: «Книжный дом».
- Федорова, М. М. (2020). Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна. *Вопросы философии*, 6, 38–42.
- Шлегель, Е. В. (2019). Ностальгия по непрожитому: привлекательность мифа о советском прошлом для поколения Z. *Вестник Гуманитарного университета*, 3(26), 87–93.
- Appadurai, A. (1996). *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Batcho, K. I. (2013). Nostalgia: Retreat or Support in Difficult Times? *The American Journal of Psychology*, 126(3), 355–367.
- Boym, S. (2001). *The Future of Nostalgia*. NY: Basic Books.
- Dann, G. (1998). There's no Business like Old Business». Tourism, the Nostalgia Industry of the Future. In W. F. Theobald (Ed.) *Global Tourism*. Oxford: Butterworth Heinmann.
- Davis, F. (1979). *Yearning for Yesterday. A Sociology of Nostalgia*. NY: Free Press.

- Graburn, N. (1995). Tourism, Modernity and Nostalgia. In S. Akbar, S. Chris (Eds) *The Future of Anthropology. Its Relevance to the Contemporary World*. Londres/Atlantic Highlands: Athlone.
- Herzfeld, M. (1991). *A Place in History. Social and Monumental Time in a Cretan Town*. Princeton: Princeton University Press.
- Herzfeld, M. (2007). *L'Intimité culturelle. Poétique sociale dans l'État-nation*. Québec: Presses universitaires de Laval.
- Howe, N., Strauss, W. (2007). The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review*, 85(7–8), 47–52.
- Pickering, M., Keightley, E. (2006). The Modalities of Nostalgia. *Current Sociology*, 54(6), 919–941.
- Pickering, M., Keightley, E. (2014). Retrotyping and the Marketing of Nostalgia. In K. Niemeyer (Ed.) *Media and Nostalgia. Yearning for the Past, Present and Future* (pp. 83–94). London Palgrave Macmillan.
- Routledge, C., Wildschut, T., Sedikides, C. et al (2012). The Power of the Past: Nostalgia as a Meaning-Making Resource. *Memory*, 20(5), 452–460.
- Starobinski, J. (1963). La Nostalgie: théories médicales et expression littéraire. In *Studies on Voltaire and the XVIII century* (pp. 1505–1518). Geneve: Institut et musée Voltaire.
- Vess, M., Arndt, J., Routledge, C. et al (2012). Nostalgia as a Resource for the Self. *Self and Identity*, 11(3), 273–284.

Статья поступила в редакцию 12.02.2021

Статья принята к публикации 10.03.2021

Для цитирования: Романова А. П., Федорова М. М. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения. Российской Федерации. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 1. С. 6–18.

SOVIET NOSTALGIA OF THE POST-SOVIET DIGITAL GENERATION

A. P. Romanova, M. M. Fedorova

Anna P. Romanova,
Institute of Southern Russia and Caspian Region Studies, Astrakhan State University, 20A
Tatishchev Str., Astrakhan, 414056, Russia.
E mail: aromanova_mail@mail.ru. ORCID 0000-0001-8537-4893.

Mariya M. Fedorova.
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow,
109240, Russia.
E-mail: mf57@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1181-5219.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Scientific Foundation (project № 19-18-00371), “The problem of collective memory in epistemic and political-cultural dimensions.”

Abstract. The processes of formation and transformation of collective memory are complex and multifaceted. Research on this phenomenon is carried out in various fields of scientific knowledge and on different planes — from epistemological procedures to specific phenomena, such as nostalgia. This article is devoted to identifying the place and role of nostalgic processes in the collective memory of the digital generation of Russian students. This type of nostalgia can be denoted as “somebody else’s nostalgia”, nostalgia for the times un-lived-in, etc. And it requires special study, because of some paradoxicality. From the methodological point of view, the study is based on a combination of analytical and qualitative sociological methods (in-depth interviews). The results of the study showed that nostalgia for the Soviet past is a real phenomenon of today’s collective memory of Russian society, affecting all its social strata and age groups. The reason for this massive spread of the phenomenon is rooted in the general unstable social conditions of human existence in the post-Soviet world, in the loss of confidence in the general idea of progressive course of history, and in progressiste liberation rhetoric in the absence of real socio-political projects. In the digital generation of Russian students “nostalgia for things Soviet” takes

the form of “nostalgia without memory”, in that it is a way of psychological protection from the present by reconstructing the memory of the great past. The space of this memory represents another deformation of the nostalgic phenomenon since it is not formed on the basis of personal emotional experience, which includes longing for childhood and the life lived, but is nourished by the memory of previous generations and by the media.

Keywords: nostalgia, digital generation, somebody else’s nostalgia, memory policy, nostalgia for things Soviet.

DOI 10.31429/26190567-22-1-6-18

References

- Abramov, R. (2011). “Sovetskiy cherdak” rossiyskoy blogosfery: analiz nostalgicheskikh virtual’nyh soobshchestv [“Soviet Attic” of the Russian Blogosphere: An Analysis of Nostalgic Virtual Communities]. *INTER [INTER]*, 6, 88–102.
- Abramov, R. N. (2012). Vremya i prostranstvo nostalgii [Time and Space of Nostalgia]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological Journal]*, 4, 5–23.
- Appadurai, A. (1996). *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Batcho, K. I. (2013). Nostalgia: Retreat or Support in Difficult Times? *The American Journal of Psychology*, 126(3), 355–367.
- Bauman, Z. (2019). *Retrotopiya [Retrotopia]*. Moskva: VTSIOM.
- Boym, S. (2001). *The Future of Nostalgia*. NY: Basic Books.
- Boym, S. (2013). Budushcheye nostalgii [The Future of Nostalgia]. *Neprikosnovennyi zapas [Neprikosnovennyi zapas]*, 3. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/budushhee-nostalgii.html>
- Dann, G. (1998). “There’s no Business like Old Business”. Tourism, the Nostalgia Industry of the Future. In W. F. Theobald (Ed.) *Global Tourism*. Oxford: Butterworth Heinmann.
- Dautova, R. V. (2016). Fenomen nostalgii na rossiyskom televidenii [The Phenomenon of Nostalgia on Russian Television]. In *Gumanizatsiya informatsionnogo prostranstva v kontekste dialoga kul’tur: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu so dnya rozhdeniya pervogo dekana fakul’teta zhurnalistiki Kazanskogo universiteta F. Agzamova [Humanization of the Information Space in the Context of the Dialogue of Cultures: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Birth of the First Dean of the Faculty of Journalism of Kazan University F. Agzamov]* (pp. 327–335). Kazan’: Kazanskiy un-t.
- Davis, F. (1979). *Yearning for Yesterday. A Sociology of Nostalgia*. NY: Free Press.
- Fedorova, M. M. (2020). Memorial’nyy fenomen i krizis istoricheskogo soznaniya moderna [Memorial Phenomenon and Crisis of Historical Consciousness of Modernity]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, 6, 38–42.
- Graburn, N. (1995). Tourism, Modernity and Nostalgia. In S. Akbar, S. Chris (Eds) *The Future of Anthropology. Its Relevance to the Contemporary World*. Londres/Atlantic Highlands: Athlone.
- Herzfeld, M. (1991). *A Place in History. Social and Monumental Time in a Cretan Town*. Princeton: Princeton University Press.
- Herzfeld, M. (2007). *L’Intimité culturelle. Poétique sociale dans l’État-nation*. Québec: Presses universitaires de Laval.
- Howe, N., Strauss, W. (2007). The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve. *Harvard Business Review*, 85(7–8), 47–52.
- Karpova, N. V. (2020). “Back in the USSR”, ili o prichinah nostalgii rossiyskogo obshchestva o “zolotom veke” [“Back in The USSR” or the Reasons for the Nostalgia of the Russian Society about the “Golden Age”]. *Vestnik VGU. Seriya Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology]*, 1, 41–46.

- Klyuvayev, K. V. Medvedev, D. A. (2019). Ispol'zovaniye fenomena "Chuzhoy" nostalgii v marketingovykh kompaniyakh [Use of the Phenomenon of "Somebody Else's" Nostalgia in Marketing Companies]. In *Vserossiyskaya konferentsiya molodykh issledovateley s mezhdunarodnym uchastiyem "Sotsial'no-gumanitarnyye problemy obrazovaniya i professional'noy samorealizatsii" (Sotsial'nyy inzhener-2019): sbornik materialov* [All-Russian Conference of Young Researchers with International Participation "Socio-humanitarian problems of Education and Occupational self-fulfilment"]. Moskva: FGBOU VO "RGU im. A. N. Kosygina".
- Nostal'giya po SSSR [Nostalgia for the USSR] (2018, December). Press-vypusk [Press release]. *Levada-sentr* [Levada Center]. Retrieved from <http://www.levada.ru/2018/12/19/nostalgiya-po-sssr-2/>
- Pickering, M., Keightley, E. (2006). The Modalities of Nostalgia. *Current Sociology*, 54(6), 919–941.
- Pickering, M., Keightley, E. (2014). Retrotyping and the Marketing of Nostalgia. In K. Niemeyer (Ed.) *Media and Nostalgia. Yearning for the Past, Present and Future* (pp. 83–94). London Palgrave Macmillan.
- Romanova, A. P. (2020). Kollektivnaya pamyat' i pokolencheskiy razryv [Collective Memory and Generation Gap]. *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 6, 33–37.
- Romanova, A. P. Fedorova, M. M. (2020). Pokolencheskiy razryv i istoricheskaya pamyat' pokoleniya tsifrovoy epohi [The Generational Gap and the Historical Memory of the Digital Generation]. *ENOZH Istoriya* [The Journal of Education and Science "History"], 9, 23. DOI 10.18254/S207987840012223-4.
- Routledge, C., Wildschut, T., Sedikides, C. et al (2012). The Power of the Past: Nostalgia as a Meaning-Making Resource. *Memory*, 20(5), 452–460.
- Sapogova, Ye. Ye. (2019). Ekzistentsial'no-psihologicheskiye aspekty perezhivaniya "nostal'gii bez pamyati" [Existential-Psychological Aspects of "Nostalgia Without Memory" Experience]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 2, 28–45.
- Shlegel', Ye. V. (2019). Nostal'giya po neprozhitomu: privilekatel'nost' mifa o sovetskom proshlom dlya pokoleniya Z [Nostalgia for The Unlived: The Attractiveness of The Myth of The Soviet Past for Generation Z]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* [Vestnik Gumanitarnogo Universiteta], 3(26), 87–93.
- Smolina, N. S. (2014). "Sovetskoye" v postsovetskom prostranstve: analiz nostalgicheskikh soobshchestv [The "Soviet" in The Post-Soviet Space: Analysis of Nostalgic Communities]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 17(346), 133–136.
- Starobinski, J. (1963). La Nostalgie: théories médicales et expression littéraire. In *Studies on Voltaire and the XVIII century* (pp. 1505–1518). Geneve: Institut et musée Voltaire.
- Starovoytenko, A. D. (2019). Mezhdunarodnaya nostal'giya i retrotopiya [Between Nostalgia and Retrotopia]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [INTERaction. INTERview. INTERpretation], 11(18), 125–135.
- Taratuta, Ye. Ye. (2018). "Fleshmob 90-ye" i nostal'giya: reprezentatsiya postsovetskogo kul'turnogo opyta v sotsial'nykh setyakh ["Flashmob the 90-ies" and Nostalgia: Representation of Post-Soviet Cultural Experience in Social Networks]. In *Vzglyad v sebya: k ontologii natsional'nogo samosoznaniya Rossii. Sbornik statey po itogam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [A Look into Oneself: Towards the Ontology of Russia's National Identity. Collected papers of the International Scientific Conference] (pp. 50–53). Sankt-Peterburg: "Knizhnyy dom".
- Vess, M., Arndt, J., Routledge, C. et al (2012). Nostalgia as a Resource for the Self. *Self and Identity*, 11(3), 273–284.

Received 12.02.2021

Accepted 10.03.2021

For citation: Romanova A. P. Fedorova M. M. Soviet Nostalgia of The Post-Soviet Digital Generation. — *South-Russian Journal of Social Sciences.* — 2021. Vol. 22. No. 1. — Pp. 6–18.

© 2021 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).